

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Александр Архангельский

КОРОЧЕ, ПУШКИН

СЕРИЯ "ЖИЗНЬ ИЗВЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ"

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Жизнь известных людей (ЖИЛ)

Александр Архангельский

Короче, Пушкин

«Издательство АСТ»

2025

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

Архангельский А. Н.

Короче, Пушкин / А. Н. Архангельский — «Издательство АСТ»,
2025 — (Жизнь известных людей (ЖИЛ))

ISBN 978-5-17-179612-9

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ АРХАНГЕЛЬСКИМ АЛЕКСАНДРОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ, ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА АРХАНГЕЛЬСКОГО АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА. Александр Архангельский — известный прозаик, эссеист, документалист. Лауреат разнообразных премий. Почти 20 лет был телеведущим канала “Культура”, а сейчас сосредоточился на книгах. О Пушкине Архангельский пишет с юности, но пушкинистом себя не считает; его задача говорить о Пушкине для всех, опираясь на знание, следуя чувству. Книга ставит резкие вопросы: как связаны стихи “Клеветникам России” и “самостоянье”, патриархальность и индивидуализм? в чем было пушкинское призвание и почему он пробовал нырнуть в идеологию? Эта книга — не классическая биография. Она рассказывает кратко обо всем: о лицее, ссылке, диалоге с царем и провале надежды. Счастье, вера, любовь и семья, политика, деньги, дуэль... Многообразие. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

ISBN 978-5-17-179612-9

© Архангельский А. Н., 2025

© Издательство АСТ, 2025

Содержание

Предисловие	7
Мера субъективности	11
Как строится эта книга	12
Как Пушкин стал Пушкиным	13
1. ШЕСТИСОТЛЕТНИЙ ДВОРЯНИН	13
2. БЕЗ ПЯТИ МИНУТ ПЕТРОВИЧ	16
3. Чему нас учат семья и школа	17
4. Перемена участи	19
5. Верхом на галиматье	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Архангельский Короче, Пушкин

Ж.И.Л.

СЕРИЯ
"ЖИЗНЬ
ИЗВЕСТНЫХ
ЛЮДЕЙ"

Серия "Жизнь известных людей"

Автор идеи Майя Кучерская
Составитель Елена Шубина
Художник Андрей Бондаренко

В оформлении переплета использованы портрет А.С. Пушкина (изображение создано в нейросети Midjourney) и фото А. Архангельского (фотохудожник Александр Кучерявый)

© Архангельский А.Н., текст
© Бондаренко А.Л., художественное оформление
© Кучерявый А.В., фото
© ООО "Издательство АСТ"

Предисловие

Эта книга задумывалась в одну эпоху, пишется в другую. Тем не менее начнем ее, как собирались, продолжим, как придется, а закончим в зависимости от текущих обстоятельств.

На чем сосредоточимся? Вопрос болезненный. Единица измерения писательской жизни – текст. Пушкин важен для истории не потому, что был любовником Анны Петровны К., которую называл “вавилонской блудницей”, и не вполне удачным воспитателем Натальи Николаевны Г., которую именовал “Мадонной”. Наоборот. Нам постольку интересны “вавилонская блудница” и “Мадонна”, царь и псарь, дуэль и дружба, поскольку Пушкин сочинил “Евгения Онегина”, “Графа Нулина”, “Капитанскую дочку” и “Медного всадника”. Не сочинил бы – какое бы нам было дело до всего остального?

И смутный мой рассказ,
И весть о нас двоих,
И верное реченье,
Как только станут в стих,
Приобретут значенье.
А так – кто б знал о нас!

Давид Самойлов

Однако верно и обратное. Поэзия, очищенная от мелочей, обособленная от политики, хозяйства, веры, усыхает. Перед Пушкиным скучно стоять на коленях – и, кроме того, неудобно: он был вертлявый, бойкий и живой. Так что нам оставлен узкий коридор между озарением и бытом, “божественным глаголом” и “заботами суетного света”. Нельзя ограничиться первым и нельзя утонуть во втором. Поэтому мы будем говорить поочередно, а иногда вперемешку о том,

вопреки чему и благодаря чему выстраивалась пушкинская биография;
ради чего и о чем он писал;
как он это делал.

Для первой задачи важны подробности быстротекущей жизни, для второй – “божественный глагол”, а для третьей главное – знать, что стихотворение “Поэту” состоит из двух частей и между ними, как регулировщик на дороге, поставлен противительный союз “но”.

Так вот.

Как писатель Пушкин родился на сломе эпох, когда прежнее закончилось, а новое не наступило. В 1799-м на свете нет ни Дидро, ни Вольтера, но ощущаются они как старшие живые современники. Энергичен Шиллер и сравнительно недавно напечатана его ода “К радости”: “Обнимитесь, миллионы! / В поцелуе слейся, свет! / Братья, над шатром планет / Есть отец, к сынам склоненный” (перевод Михаила Лозинского). Гёте все еще пишет первую часть “Фауста” и никуда не торопится: ему предстоит протяженная жизнь. В университетском городе Йена учредился ранний немецкий романтизм. Британская “Озёрная школа” пока не знает, что она озёрная, Байрон не вылечил ногу и не может носить сапоги, первая его книга выйдет только через восемь лет. Радищев отбыл срок в Илимске за невинное “Путешествие из Петербурга в Москву” и возвращен из ссылки. Но не в столицы, а в имение Немцово. Тем временем молодой писатель Карамзин перевыпустил маленькую повесть “Бедная Лиза”, где фактически оправдано самоубийство, прощено предательство и равноправным героем становится автор. Иван Крылов играет на ярмарках в карты и осторожно готовится к первым басням. Державин – на вершине славы, Жуковский – в ожидании ее.

С точки зрения большой истории, Пушкин вошел в эту жизнь через десять лет после Французской революции и Билля о правах, а также первых выборов американского президента; через три года после завершения эпохи Екатерины Второй, осеннего расцвета Российской империи; в год прихода молодого генерала Бонапарта к власти и почти за два – до государственного переворота, в результате которого табакерка угодит в висок Павлу Первому, на троне воцарится Александр и начнутся либеральные реформы, чтобы описать привычный круг и к 1820-м вернуться в точку консервативного исхода.

Границы размыты, сдвиги желанны, перемен требуют наши сердца.

С точки зрения религиозной, время Пушкина – это эпоха тяжелого кризиса. Религия и вера разошлись, церковь пребывала в полуобморочном состоянии и не желала в этом признаваться. Потому что внешне все было хорошо: служащие получали справки о причастии, как медицинские книжки с прививками, ходили на службы, говели, христосовались, отпевали близких. Но самый известный святой и самый известный писатель могли прожить внутри одной эпохи, так и не услышав друг о друге: Серафим Саровский и Александр Пушкин. Правда, были исключения из правил. На иконописной миниатюре архимандрита Зинова (Теодора) изображен Александр Сергеевич с лавровым венком, по чину античного мудреца – рядом со святителем Филаретом, митрополитом Московским; они как раз друг друга знали и не то чтобы во многом совпадали, но взаимодействовали.

С позиции педагогической Пушкин родился накануне грандиозных перемен: в 1802-м, параллельно с Минюстом, учреждено Министерство народного просвещения, в 1803-м принято Положение об образовательных учреждениях. Все говорящие по-русски (ну, почти все) знают про элитарный лицей, мы тоже о нем обязательно скажем. Но как не помянуть добрым словом рядовой школьный устав 1804 года, вследствие которого губернские города получают гимназии, образование приобретет внесловный и (на низших ступенях) бесплатный характер?

Появилось несколько университетов. 1802-й: назначен к открытию Дерптский, ныне Тартуский. 1803-й: Виленский, ныне Вильнюсский. 1804–1805-й: Казанский и Харьковский. Плюс позже Петербургский педагогический институт, который станет университетом в 1819-м. Преувеличивать не стоит: это были крошечные заведения, тем не менее лиха беда начало. Однако прогресс завершится погромом, который в Казани учинит бывший либерал Магницкий, причем предложит снести здание университета, чтобы камня на камне не осталось, а в Санкт-Петербурге – Дмитрий Рунич. Этот действовал помягче: просто уволили ряд профессоров, включая пушкинских учителей Куницына и Галича.

Но не менее важна *история технологическая*. Рождение Пушкина совпало с резким ростом тиражей, достигнутым благодаря новым конструкциям печатных форм. В год пушкинской смерти в России была открыта первая железная дорога (короткая ветка от Царского Села), а во Франции Дагер и наследник Ньепса подписали соглашение о распространении дагеротипии – возникли условия для появления фотографии.

Печатная машина многократно ускорила производство книг и заметно их удешевила, железная дорога соединила время и пространство, а фотоснимки бросили вызов художественному образу. Чего Пушкин уже не застал, но, возможно, предчувствовал. Как предвидел великую роль поездов: он интересовался паровозами, заказывал о них статью в журнал “Современник”, переписывался с управляющим путей сообщения генерал-адъютантом Толем, который выдал разрешение на строительство Царскосельской железной дороги, правда, письма были по другому поводу.

Предварительный вывод: и в словесности, и в педагогике, и в технологиях происходили грандиозные перемены; мир менял привычные очертания.

Литературная история готовила Пушкина к борьбе между старым и новым, классическим и романтическим. Политическая – к революционным потрясениям и торжествующему охра-

нительству как естественной реакции на радикальный поворот. А технологическая – ставила перед проблемой гораздо менее заметной, но для писателя куда более серьезной: массовизацией литературы.

С одной стороны, хорошо. Чем больше тираж, тем сильнее влияние; чем сильнее влияние, тем выше писательский статус и масштабней доходы. С другой, возникает развилка. “Мы рождены для вдохновения, / Для звуков сладких и молитв”, однако “можно рукопись продать”. Как сочетать одно с другим, какой литературный путь выбрать, на что сделать авторскую ставку?

Когда инженеры изобретали новые печатные машины, они хотели заработать денег, а не думали о том, что случится с культурой. Тем более что слова такого, в привычном нам значении, не было, оно появится в речевом обиходе лишь к середине века. Но все грядущие перемены, “все будущее галерей и музеев” было уже заложено в их замысле. Писатели, родившиеся на рубеже веков, должны были найти ответ на вызов времени: какой литературной тактики придерживаться?

Упростить содержание, идти навстречу требованиям рынка: “Наш век – торгаши; в сей век железный / Без денег и свободы нет”? Соединить коммерческий успех с аристократической высотой замысла? Научиться зарабатывать, не понижая планку, но учитывая новые запросы? Или сместиться на обочину, писать для немногих, в свободное от воспитания наследников время? Такую стратегию выбрал Жуковский. А кто-то сделал ставку на коммерцию: два главных представителя торгового направления в литературе – Фаддей Булгарин и Осип Сенковский.

Оба – люди даровитые и умные (не случайно Грибоедов рукопись своей комедии доверил Фаддею Венедиктовичу), – но также небрежливые и ушлые. Самая успешная затея Булгарина (совместно с Гречем) – первая в России частная политическая газета “Северная пчела” – была построена на сплетнях, постоянном сведении счетов и во многом держалась на сделке с секретными службами, ставке на доносы. Сенковский был намного симпатичней – и образованней: выдающийся востоковед, знаток арабских (и не только) древностей, он для себя уединенно музицировал, наблюдал за жизнью звезд, занимался новыми музыкальными инструментами – но как литературный продавец он тоже играл на понижение, чем обеспечивал успех тиражному журналу “Библиотека для чтения”.

Пушкин опробовал разные варианты и в итоге отказался от торгового направления, но поставил не на сложность, а на глубину. Разница огромная: сложность требует обширных знаний как предварительного условия входа, а глубина открыта всем, на разных уровнях. Результатом стали его многослойные тексты, не отвергающие никого: можешь скользить по поверхности, можешь погружаться в контекст.

В итоге Пушкин как художник победил в веках, в тесной современности отчасти выиграл, отчасти проиграл; в качестве журнального издателя в конечном счете потерпел сокрушительное поражение. Что печально, но лучше, чем творческий провал.

Собственно, книга о том, как Пушкин постоянно делал выбор – в политике и любви, в поэтике и философии, между верой и неверием, деньгами и страстью, прошлым и будущим. Тексты поставлены в биографический контекст, биография перемешана с историческими обстоятельствами, те, в свою очередь, подсвечены литературой. Притом что Пушкин, повторюсь, интересен нам не столько тем, как пил шампанское и жженку, сколько тем, как и что он писал. Но чтобы понять, как он писал, уместна будет и жженка, и женка.

Куда неприятней вопрос: а зачем эта книга? Ведь написано много, жизни не хватит прочесть. И все время появляются блестящие работы. Кто ценит классический опыт, может взять “материалы” первого биографа Павла Анненкова, переизданные в 1985-м с комментариями Александра Осповата и Никиты Охотина. Кому близки народнические идеалы, перечтет ревдема Щёголева, у которого Пушкин – имперец, помещик, аристократ, отступившийся от дела революции, а Наталья – пустая транжира. Или социально четкие работы выдающе-

гося пушкиниста Юлиана Оксмана, где ставка сделана на декабризм, сопротивление режиму и крестьянское восстание. Или, напротив, пушкинистику Ахматовой. Или Ходасевича. Или гуманистические публикации 1970–80-х, Юрия Лотмана, Натана Эйдельмана, Вадима Вацура. Хочется религиозных озарений – имеется статья Валентина Непомнящего “Двадцать строк” о “Памятнике”. Настроены иначе – возьмите лагерную книжку Андрея Синявского (Абрама Терца) “Прогулки с Пушкиным” (прогулки, понятное дело, тюремные). Нужен сжатый компендиум? Книжка Сергея Бочарова и Ирины Сураг. Хотите разобраться в деталях? В последние годы вышли комментарии к ключевым пушкинским текстам, среди авторов – Олег Проскурин, Роман Лейбов, Михаил Безродный, Екатерина Лямина, уже упомянутый А. Осповат. Цикл прекрасных книг Александра Долинина. Статьи Наталии Мазур, Марии Виролайнен, Кирилла Осповата, монографии Ильи Виноцкого... ставим многоточие.

Однако нормальный ученый либо дает полномасштабную картину, уделяя равное внимание известному и неизвестному, важному и второстепенному, либо пропускает очевидное. А необходимость в кратком, но полном изложении событий, фактов, текстов и контекстов велика как никогда. 2014 год перепоставил старые вопросы о свободе, державе, империи, личности, принадлежности национальным общностям и космополитизме; 2022-й предельно ужесточил формулировки; 2025-й их обострил. Завершился не только сам петербургский период истории, но и прощание с ним тоже завершилось. Дальше – или превращение наследия в музей с прекрасными пронумерованными экспонатами, или туристический подход – “здесь когда-то было нечто важное, проходим в кассу за билетами”, – или втягивание прошлого в другую жизнь, с полной переменой старых связей и поиском новых точек отсчета.

Я бы сделал ставку на третье. Кому-то нужно будет унести Пушкина с собой *туда*, другим – остаться с Пушкиным *здесь*, третьим он поможет склеить реальность, а кому-то послужит засушенной закладкой – на добрую память. Отчасти поэтому книга выходит по обе стороны границы, в двух несовпадающих вариантах: в Москве, в “Редакции Елены Шубиной”, и в Братиславе, в “VidimBooks”. Спасибо издателям, которые смогли нащупать компромисс.

Это *книга предварительного чтения*, и она предназначена тем, кому Пушкин интересен, но не очевиден, тем, кто вступает на пушкинскую территорию с накопленным читательским опытом, но без филологической подготовки. Главное, чтобы после этой книжки можно было начать читать все более сложные, все более объемные книги, часть которых упомянута в минимальной библиографии. С другой стороны, как всякий компендиум, наша книга может быть забавной для того, кто знает всё и лучше.

Мера субъективности

Высокая, но не беспредельная. Жанр беседы допускает некоторую степень вольности и требует оговорок: это мы точно знаем, это обоснованно предполагаем, а тут сплошные догадки.

Как строится эта книга

В книге три главы и множество разделов.

Говоря о пушкинской судьбе, оставляем только ключевые эпизоды. Ключевые – с нашей точки зрения: дом, лицей, ссылка, возвращение, государь и государство, семья, дуэль, смерть и память. Когда заходит речь о том, как выстроен пушкинский текст, действуем аналогично: “главные” произведения, мотивы, приемы, словесные жесты. И в политике только масштабные темы: история, империя, свобода, война, самодержавие, парламент, справедливость, Россия, Европа, Америка.

Когда-то было важно разделить с поэтом идеал свободы и мечту о справедливости или постичь секреты пушкинской гармонии и приобщиться его мудрости. Сегодня интересней и нужней осмыслить тот клубок противоречий, из которого рождалась зыбкая гармония. Они вынуждали меняться и не давали выйти из игры, когда приходила пора оглядеться и взвесить все обстоятельства. Это обеспечило динамику движения, но привело в конечном счете к поражению, которое важнее, чем победа.

Идеи, в предельно сжатой форме изложенные в этой книжке, опробованы в публикациях, циклах лекций – прежде всего, в “Ельцин-центре”, Екатеринбург, осень 2021-го – весна 2022-го, и в проекте “Страдариум”, основанном создателями “Страдающего Средневековья”, весна 2023 года.

Тексты Пушкина даются по изданию: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); 4-е изд. Л.: Наука, 1977–1979 (<http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10326>). В некоторых случаях – по другим источникам; написание религиозной лексики приведено к современной норме. При датировках событий предпочтение отдавалось (как правило) тем, что указаны в книге: Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: В 4 т. Составители М. А. Цявловский, Н. А. Тархова. М., 1999. (<http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10498>).

В сверке дат, цитат, библиографических описаний неоценимую бескорыстную помощь оказала *Лена Марголис*; сердечная ей благодарность.

Как Пушкин стал Пушкиным

1. ШЕСТИСОТЛЕТНИЙ ДВОРЯНИН

В семейной памяти Пушкиных сохранился эпизод. То ли 1804-й, то ли 1805 год. Александр отстал от матери, разозлился и сел посреди пыльной улицы. Заметил, что некая дама смотрит из окна и смеется; привстав, огрызнулся: “Ну, нечего скалить зубы!”

Он толст, ленив, обожает залезать в корзину и молча наблюдать, как бабушка, Марья Алексеевна Ганнибал, или “Ганнибалова”, как ее иногда зовут, вяжет и вышивает. Бабушка довольна тихим внуком, учит читать и писать по-русски, он посещает детские танцевальные вечера в знаменитой школе Йогеля и влюблен в Соню Сушкову. Цыганистая мать, Надежда Осиповна, сердится: как заставить мальчика гулять и бегать? Она добросердечна, но обидчива: может надуться и не разговаривать неделями и даже месяцами. Отцу, Сергею Львовичу, светскому философу, старомодному шеголю и автору эпиграмм, все равно; отношения отставного майора с сыном всегда будут прохладными, в худшие времена – враждебными, в лучшие – равнодушными. Дядя, Василий Львович, веселый болтун, рифмоплет, бонвиван, заинтересуется племянником гораздо позже:

Племянник и поэт! Позволь, чтоб дядя твой
На старости в стихах поговорил с тобой.
Хоть модный романтизм подчас я осуждаю,
Но истинный талант люблю и уважаю.

Мальчик родился в Москве 26 мая 1799 года (6 июня по новому стилю); у него есть смуглая и волоокая сестра Ольга, старше его на полтора года, и брат Николай, младше – почти на два. С Ольгой Александр дружен, они болтают, ставят домашние спектакли; потом возьмут верх гендерные стереотипы: дружба – дело мужское. Брат с сестрой будут переписываться, изредка общаться, в 1830-е годы Пушкин столкнется с ее мужем Павлищевым: у них возникнут разногласия из-за имущества и денег. Николай умрет шестилетним и перед самой смертью покажет Александру язык – эта сцена останется в пушкинской памяти навсегда. В 1805-м у Пушкина родится еще один брат, Лев, баловень семьи. Такой же курчавый, но белокурый и светлокочий; по словам современника, “его наружность представляла негра, окрашенного белой краской”. Лев запутает литературные дела брата, будет лишен права представлять его интересы, но любимчиком поэта останется. Остальные дети Пушкиных умерли младенцами.

Вскоре Александр заметно похудеет, станет резвым; склонность к язвительным шуткам усилится. Выдающийся поэт конца XVIII столетия Иван Иванович Дмитриев, рябой после оспы, был частым гостем в доме Пушкиных и однажды пошутил над мальчиком: “Ишь, какой арапчик!” “Арапчик да не рябчик”, – заметил юный нахал, чем вызвал общий восторг.

Семья не подарила Пушкину тепла, он остался недолюбленным, и многое в его позднейшем поведении объясняется этим. Но зато родители открыли ему путь в литературу. Согласно семейному преданию, будущий поэт забыл про игрушки и заслушался разговором отца с Карамзиным. Правда это или нет, но важна сама возможность эпизода. У отца была хорошая разноязыкая (с преобладанием французских книг) библиотека. Интересны застольные разговоры старших о русских порядках и европейских делах. Забавны народные сказки в передаче бабушки и крепостной Арины Родионовны, которую биографы называют то Яковлевой, то Матвеевой, хотя она фамилии не имела.

А главное, семья сформировала чувство приобщенности к истории.

“...Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории. В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича Грозного, историограф именует и Пушкиных. ... Четверо Пушкиных подписались под грамотою о избрании на царство Романовых...” И когда Пушкин пересказывает эпизод, которого не может помнить (как во время путешествия в Михайловское и Петербург в 1800-м столкнулся с Павлом Первым, и царь приказал несчастной няньке снять с растерянного мальчика картуз), он не просто дает зарисовку, но ставит себя в ряд политически значимых предков. Пускай и с иронией.

Отдельный сюжет связан с дедом по отцу, Львом Александровичем. Тот, если верить Пушкину, во время екатерининского переворота остался верен свергнутому Петру III и выпал из русской истории. Зато сохранил родовое достоинство и дворянскую честь.

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин.

На самом деле Лев Александрович ни в какой крепости не сидел и в отставку не выходил. Также поэт был уверен, что дедушка заподозрил связь своей первой жены с французом-учителем; жену заморил в домашней тюрьме, а француза “весьма феодально повесил на черном дворе”. Пушкин возвращался к сюжету, в том числе в переписке с невестой: “...ваша любовь – единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка (где, замечу в скобках, мой дед повесил француза-учителя, аббата Николя, которым был недоволен)” (письмо к Наталье Гончаровой от 30 сентября 1830; по-французски). В реальности венецианец Харламбий Меркади был просто поколочен; Лев Александрович получил монаршее прощение за “непорядочные побои”. О своей первой жене впоследствии отзывался с нежностью.

Пушкина не беспокоили биографические ошибки, ему была важна сама идея *рода*, аристократической прописки, принадлежность к партии шестисотлетнего дворянства. Род обеспечивает человеку то, чего купить невозможно: законное место в истории. Главное политологическое сочинение Пушкина – “Сказка о рыбаке и рыбке” – написана в 1833 году, и в ней содержится важнейший эпизод. Старик, поймавший золотую рыбку, выполняет одно за другим требования властной Старухи: добывает новое корыто, хорошую избу. И это все терпимо, пока Старуха не выказывает претензию на родовитое дворянство: “Не хочу быть черной крестьянкой, / Хочу быть столбовою дворянкой”. Столбовое дворянство – старинное, проверенное веками, задним числом записаться в него невозможно, а если можно, значит, ты владеешь тайной управления прошлым. Отныне путь Старухи предопределен: она стремится к власти. Для начала – политической (“хочу быть вольною царицей”), затем – духовной. В рукописи Старуха превращалась в Римскую папу:

Воротился старик к старухе,
Перед ним монастырь латынский,
На стенах латынские монахи
Поют латынскую обедню.
Перед ним вавилонская башня.
На самой на верхней на макушке
Сидит его старая старуха.
На старухе сарачинская шапка,

На шапке венец латынский,
На венце тонкая спица,
На спице Строфилус птица.

А получив “венец латынский”, Старуха покушается на полномочия “владычицы морской”. И, конечно, возвращается к разбитому корыту.

2. БЕЗ ПЯТИ МИНУТ ПЕТРОВИЧ

Пушкин был столбовым дворянином. Он прописан в большой истории по обеим линиям.

Семья владетельного князя из Абиссинии, нынешней Эфиопии, с некоторой натяжкой возводила свое происхождение к великому карфагенскому полководцу Ганнибалу. (На излете XX века распространилась камерунская версия происхождения Ганнибалов, но большинство исследователей в нее не верит.) Князь участвовал в “налоговом восстании” вассалов против Османской империи; в наказание его сын, тоже Ганнибал, был вывезен в Стамбул и жил в султанском серале, когда о его существовании узнал российский император и писал к своему посланнику, чтоб он прислал ему “Арапчинка с хорошими способностями”.

Впоследствии Пётр стал крестным Абрама (Ибрагима) и дал ему отчество – Петрович. Так что Пушкины и Ганнибалы были почти Рюриковичи и без пяти минут Петровичи.

Абрам сделал отличную карьеру. Но первую жену-гречанку, пойманную на измене, бил смертным боем и держал взаперти на голодном пайке: в отличие от сюжета со Львом Александровичем, тут рассказ правдив. Зато ладил со второй женой, Христиной-Региной фон Шёберг, в общей сложности у него было двенадцать детей. Один из них – пушкинский дедушка Осип Абрамович. Не столь выдающийся, но такой же безудержный, он объявил одну жену умершей и женился на другой; обе подали на него в суд. Как двоеженец он попал под церковную епитимию и должен был отправиться на год в монастырь. Но благодаря заступничеству куда более успешного брата получил право искупить бытовое преступление флотской службой. Знакомый сюжет.

3. Чему нас учат семья и школа

Не случайно настоящим домом, политической школой, священным Отечеством стал для Пушкина Царскосельский лицей. Задуманный для державных нужд, а не для поэтических досугов. Гениальный прожектор Михаил Сперанский собирался совершить великую бюрократическую революцию и отводил лицею роль поставщика лояльных кадров для реформ. Царь не возражал.

Сперанский понимал, что российский опыт перемен в гражданском образовании печален; у кого бы ни заимствовали практики: у греков, поляков, голландцев – результат получался сомнительный. С военным, военно-морским, инженерно-военным худо-бедно что-то получалось, а со светским и мирным – никак. Но не забудем, что лицей был связан с тайным планом будущей войны. Именно в лицейском 1810 году полководец Барклай де Толли был назначен военным министром и подал записку “О защите западных пределов России” о неизбежности оборонительной войны. 2 марта 1810-го Записка была высочайше одобрена, а через полгода подписан другой указ, об учреждении элитарного учебного заведения. С очевидной целью: вовлечь детей из хороших семей в новую образовательную среду, вырастить мыслителей и практиков послевоенной России.

Поэтому лицей, приравненный к университету, расположили в “царской зоне”: в перестроенном флигеле, который был соединен с Екатерининским дворцом крытым переходом. Император собирался сделать лицеистами своих младших братьев – Николая и Михаила. И до поры до времени спорил с императрицей-матерью, которую возмущал его избыточный демократизм.

Правила были предельно простыми: новый курс набирается раз в три года, обучение длится шесть лет. Мальчики-лицеисты изымаются из косной семейной среды, свидания крайне редки. Причина скорее медицинская: чтобы дети меньше заражались в путешествиях; но также воспитательная: государственный не может эмоционально зависеть от родителей. Семья = Лицей = Держава. Аскетичные условия лицейской жизни – все эти железные кровати, крошечные келейки, казарменные одеяла и семичасовой учебный день – тоже были частью плана. Афинские цели, спартанские методы – все как полагается в военно-политической утопии.

К сожалению, обеспечить контроль не всегда удавалось: в службу попадали мутные персонажи; один из лицейских “дядек”, что-то среднее между денщиком и тьютором, по фамилии Сазонов, оказался серийным убийцей. Он совершал нападения в окрестностях лицея, перерезал горло; на его счету было шесть или семь жертв. Страшно подумать, что могло произойти в палате лазарета, возле которой Сазонов дежурил по ночам, в том числе охраняя покой заболевшего Пушкина.

Заутра с свечкой грошевою
Явлюсь пред образом святым.
Мой друг! остался я живым,
Но был уж смерти под косою:
Сазонов был моим слугою,
А Пешель – лекарем моим.

(Пешелем звали лицейского доктора.)

Предметы, согласно учебной программе Сперанского, делились на “разряды”, с явным перекосом в сторону наук общественных. Изящные искусства и словесность заявлены – что было радикальным исключением из общих школьных практик, – и все-таки опорными лицей-

скими учителями считались не словесники и рисовальщики, а политический философ Александр Галич и адъюнкт-профессор нравственных наук Александр Куницын, чей лицейский курс вобрал в себя двенадцать предметов, никак не связанных с эстетикой, но аккуратно вовлекающих в политику.

Почему же в лицее начисто отсутствовал армейский дух? Хотя перспектива военной карьеры просматривалась? Почему и первый, и второй, и третий лицейские директора были по сути гражданскими, а надзирателями – люди без погон? Потому что военный проект Александра Первого, победа в “скифской войне”, был условием мирного замысла, а не целью. Победим Бонапарта – кто сможет возразить против радикальных перемен внутри империи? Начнем радикальные реформы – кто бросит камень в молодых исполнителей царской воли? Дети, становитесь лицеистами, и да будет вам мир. Но сначала, как положено, война.

4. Перемена участи

В 1811-м первый набор в лицей состоялся, 19 октября произошло открытие, а уже в 1812-м лицеисты провожали армейские и гвардейские полки. Многие плакали: скорее от обиды, что не смогут воевать.

Но еще до начала великой войны их участь полностью переменялась. 17 марта 1812 года отец-вдохновитель лицея Сперанский был вызван к царю и обвинен в фактической измене: ты старался расстроить дела в государстве, новыми налогами вызвал ненависть к правительству, дискредитировал его своим презрением. “Обстоятельства требуют, чтобы на время мы расстались. ...когда неприятель готов войти в пределы России, я обязан моим подданным удалить тебя от себя. Возвратись домой, там узнаешь остальное. Прощай!”

Михаил Михайлович попытался уложить в портфель шляпу; внезапно сел на стул, не в силах двигаться. Через несколько минут дверь распахнулась, Александр упавшим голосом произнес: “Еще раз прощайте, Михайло Михайлович”, – и снова скрылся в кабинете.

После домашнего обыска Сперанскому позволили написать письмо любимой дочери и отправили сначала на Волгу, в Нижний, а затем на Каму, в Пермь. Царь отрекся от ближайшего сотрудника в угоду массовой патриотической истерике, как летом отречется от Барклая, которого впоследствии восславит Пушкин: “О вождь несчастливый!.. Суров был жребий твой”. Спустя годы Сперанский вернется во власть, как Барклай вернется в действующую армию в 1813-м, но лицейский замысел остался без своего вдохновителя.

Это станет понятно не сразу, первое время казалось, что все еще будет. Лицеисты играли в парламент, произносили сокрушительные речи, проводили дебаты, выпускали рукописные журналы “Лицейский мудрец”, “Юные пловцы” – они по-прежнему готовились к служению. И когда Пушкин дерзко отвечал царю, заглянувшему на лицейскую прогулку (“**Кто здесь первый?**” – “**Здесь нет, Ваше Императорское Величество, первых; все вторые**”), он почти не шутил. **В них возвращали настоящие амбиции. Но время первых для лицея кончилось.**

Тут снова укрупнимся и просмотрим три общеизвестных эпизода.

Первый эпизод. Открытие.

По центру зала – длинный стол, покрытый красным сукном и с лицейским Уставом посередине. За столом голубоглазый государь, ему тридцать три, но выглядит он молодо, несмотря на проступающую лысину. Рядом с государем твердокаменная царица-мать, нежная императрица Елизавета, склонный к полноте великий князь Константин. Из профильных начальников – министр Разумовский, сенаторы. Тут же стоит директор, Василий Малиновский, дипломат, литератор, сторонник идеи “вечного мира” и коллективной безопасности; отобранные им профессора. В три ряда выстроены лицеисты, тридцать человек, утвержденных лично Разумовским.

Низкорослый Пушкин (впоследствии он подрастет до 2 аршин и 5,5 вершков, то есть до 166,7 см)¹ слушает указ об основании лицея. Растерявшийся директор проборматывает речь. Зато Куницын громогласен; его гражданская проповедь посвящена великой цели, которая ждет лицеистов: “Вы ли захотите смешаться с толпой людей обыкновенных... Нет! Любовь к славе и Отечеству должны быть вашими руководителями!”

Царь останется доволен; Куницын будет награжден орденом св. Владимира 4-й степени, несмотря на то (а может, благодаря тому?), что в речи Государь не упомянут.

Эпизод второй. Лицейский экзамен.

¹ Это данные художника Чернецкого; подсчеты брата Льва – 2 аршина 5 вершков, 164,5 см; в полицию Пушкин представил цифру 2 аршина 4 вершка, 160 см.

“Это было в 1815 году, на публичном экзамене в Лицее. ... Державин приехал. Он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: где, братец, здесь нужник? <..> Наконец вызвали меня. Я прочел мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. ... когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...”

Что изменилось за неполные четыре года? Почти ничего – и почти всё. В центре первой сцены был государь, в сердцевине второй – литератор. Конечно, Державин не просто поэт, он старинный вельможа в отставке: губернатор, министр и создатель Минюста, каратель крестьянских восстаний. Однако в пушкинских воспоминаниях и в записках его ближайшего лицейского друга Ивана Пущина акценты сделаны подчеркнуто-литературные. Главное теперь не доблести гражданские, а поэтический дух.

В “куницынские” времена им предлагали изучать естественное право, размышлять о подвижных границах и служении родине. Заодно писать стихи и риторическую прозу. К середине лицейского срока победа в стихотворном состязании стала более важным событием, чем победа в политических дебатах, а настоящим карьерным успехом – дебют в журнале “Вестник Европы”. Неуклюжий Вильгельм Кюхельбекер по прозвищу Кюхля в этом Пушкина опередил, опубликовался в “Вестнике Европы” на один номер раньше. Пушкинское послание “К другу стихотворцу” было напечатано в июле 1814 года под псевдонимом Александр Н. к. ш. п.:

...На Пинде лавры есть, но есть там и крапива.
Страшись бесславия! – Что, если Аполлон <..>
Твой гений наградит – спасительной лозою?

В центре лицейских досугов оказались выпуски рукописных журналов, изготовление “тогеля-могеля”, густого напитка из яиц, сахара и рома; предметом гордости – романтические приключения с горничными (и не только). Пушкин, в котором рано пробудились страсти, попадает в разные истории – самая известная связана с княжной Варварой Волконской. Друг его и сосед по комнаткам Иван Пущин вспоминал, явно смягчая тона: “У [фрейлины] Волконской была премиленькая горничная Наташа. Случалось, встретясь с нею в темных переходах коридора, и полюбезничать; она многих из нас знала... Пушкин... слышит в темноте шорох платья, воображает, что это непременно Наташа, бросается поцеловать ее самым невинным образом. Как нарочно, в эту минуту отворяется дверь из комнаты и освещает сцену: перед ним сама княжна Волконская”. Она пожаловалась брату, генерал-адъютанту, тот – государю. Но Александру Павловичу история скорей понравилась, он сказал директору: “...я беру на себя адвокатство за Пушкина; но... чтоб это было в последний раз”. И добавил по-французски: “Между нами говоря, старуха, быть может, в восторге от ошибки молодого человека”.

Реакция милостивая, но некрасивая: “старухе” было тридцать пять, а самому Александру Павловичу – под сорок. Впрочем, Пушкин тоже не проявил словесного благородства, хотел написать извинительное письмо Волконской, а написал эпиграмму: “Мадемаузель, вас очень легко / Принять за сводню / Или за старую уродину, / Но за простолюдинку, – о боже, нет” (перевод с французского Л. Каменской).

При этом сюжетов, обычных в закрытых мужских заведениях, в лицее практически не было. Единственный, кого исключили за “дурное поведение”, как тогда говорили, за “греческие вкусы”, был Константин Гурьев, крестник великого князя Константина Павловича. Того самого, который в 1826-м назовет Гурьева “товарищем известным писакам Пушкину и Кюхельбекеру”.

Но все это вторично; первичны стихи.

Пушкин в детстве сочинял и басни, и комедии; сам ставил, сам играл – для любимой сестры. (Комедия “L'Escamoteur” была ею освистана.) Но сочинительство системно началось в лицее: поздней весной 1812-го лицеистам разрешили писать “для себя”. Хотя решением министра просвещения были временно запрещены театральные постановки: “отвлекло бы внимание их от учения и повторения уроков”.

Профессор Николай Кошанский, который отвечал в лицее за словесность, переиграл профессора Куницына. Просто потому, что поменялась ситуация. После войны царь увлекся дипломатией, внутренние реформы отложил. Чуть позже он впадет в мистическое умонастроение, в 1819 году немецкий студент Занд вонзит “цареубийственный кинжал” в русского агента Коцебу, начнется череда европейских национально-освободительных волнений. Какие уж тут внутренние перемены!

Еще один стоп-кадр. Третий и последний эпизод истории лицея, показанный на укрупнении.

25 марта 1816-го – Благовещенье. Со дня открытия лицея прошло пять лет, после державинского экзамена – год с небольшим. В Царское Село прибывает неофициальная дружественная делегация в составе шести человек:

отец поэта, Сергей Львович,
дядюшка Василий Львович,
прогрессивный чиновник Александр Тургенев,
выдающийся поэт-романтик, пушкинский друг и наставник Василий Жуковский,
поэт и критик Петр Андреевич Вяземский,
историк и писатель Николай Михайлович Карамзин.

Настроение у всех приподнятое. Особенно доволен Карамзин: он долгие недели ждал приема у царя, в конце концов унизился, нанес визит всесильному вельможе Аракчееву, после чего получил обещание, что “История государства Российского” выйдет на деньги и под покровом государя, а том, посвященный кровавому царству Грозного, обойдется без больших потерь. Впервые русскому читателю расскажут не красивую легенду о монархе, а болезненную правду.

Батюшков с Жуковским у Пушкина уже бывали и к нему давно приглядывались, но “официальное” представление молодого автора Карамзину² – другое дело. Он не участвует в литературных схватках и отошел от актуальных текстов, но его писательский авторитет высок. Сперанский для него – идейный враг: карамзинская “Записка о древней и новой России”, которую историк представил царю в Твери (1811), настраивала государя против перемен вообще и против Михаила Михайловича лично.

Тем не менее Карамзин в лицей приехал. Среди прочего и потому, что началась словесная война карамзинистов с литературным обществом “Беседа любителей русского слова”, в состав которого входили и литературные начальники, и жизнерадостные графоманы вроде графа Хвостова, и грандиозный Державин, в чьем доме проходили собрания, и великий баснописец, драматург и прозаик Крылов, и яркий архаический поэт Катенин; в какой-то мере “беседчиком” был великий драматург и дипломат Грибоедов.

Вбйны, в том числе литературные, часто начинаются случайно. В 1815 году член “Беседы” князь Шаховской написал комедию “Урок кокеткам, или Липецкие воды”, в которой вывел Жуковского в образе приглуповатого поэта Фиалкина:

... Фиалкин

² В 1817-м не в меру влюбчивый Пушкин напишет записку жене Карамзина; попавшись, будет унижен выговором.

Вовек не отоприся
От тех моих стихов, что были всей Москвой
С восторгом читаны. На вас самих пошлюся,
Графиня, что они...

Графиня
(с досадою)

Я не читала их.

На премьере присутствовали главные карамзинисты. Все оскорбились, кроме самого Василия Андреевича; отвечать решили сатирически. Литератор, будущий министр внутренних дел и председатель Госсовета граф Дмитрий Блудов сочинил сатиру “Видение в какой-то огаде”: трактирщик указывает гостям на приезжего, страдающего от лунатизма; в приезжем опознается князь Шаховской.

Так родилось всешутейное общество “Арзамас”. При чем тут городок Арзамас? Как Липецк у Шаховского: ни при чем. Просто Блудову показалось смешным, что в крошечном городке открыли настоящую школу живописи, – вот и подходящая причина. Арзамасцы поклонялись богу вкуса, получали новые имена, взятые из баллад Жуковского, вновь принятые проносили надгробную речь “живому покойнику” из “Беседы”, продолжали бесконечными пародиями, включая священные тексты, а завершали поеданием жареного гуся, поскольку уездный Арзамас славился особо жирными гусями.

Ритуал приема пародировал масонские обряды: дяде Пушкина Василию Львовичу скроили хитон, обшитый раковинами, “...надели шляпу с широкими полями и вручили посох пилигрима. ...повели из парадных комнат... хлопущки летели ему под ноги... Потом Василия Львовича завалили шубами. ...провели в темную комнату... где собрались арзамасцы... Пала повязка с глаз”³.

В итоге началась игра на грани фола. Поклонение “преподобному арзамасскому гусю” (“Когда приложусь к священной ... его?” – спрашивал в письме Вяземский) стало первым шагом к приобщению к богу вкуса, а гусиный город Арзамас предстает в одно и то же время Новым Римом, Новыми Афинами и Новым Иерусалимом⁴. Так сказать, сакральным “гусюдарством”. Одновременно серьезным и смешным.

³ Цит. по: Гиллельсон М.И. Молодой Пушкин и Арзамасское братство. Л.: Наука, 1974. С. 82.

⁴ Глубже всех, как кажется, это описал Олег Проскурин: Проскурин О.А. Новый Арзамас – Новый Иерусалим: Литературная игра в культурно-историческом контексте // Новое литературное обозрение. 1996. № 19. С. 73–129.

5. Верхом на галиматье

В результате множества процессов русская словесность получила статус промежуточный между религией и философией: она внушала образы как веру и производила новые идеи. А это значит, что она охватывала все. И любое литературное событие приобретало вес, масштаб и силу, становилось важным за пределами самой словесности.

Арзамасцы спорили о мелочах: о балладах и баснях, кальках и аналогах; они играли в словесные игры, но верхом на галиматье въезжали в философию, а через философию – в политику. В России, где не было партий, парламента и церковного амвона как трибуны, галиматье давала мощный результат, превращалась в программу и действие. И то, что было чистым развлечением, вдруг оборачивалось важными последствиями.

В итоге победили арзамасцы. Но не потому, что были лучше, а потому, что “Беседа” упустила шанс. Пока в ней тешили тщеславие великих старцев, карамзинисты приручили молодого гения. И какая разница, на скольких заседаниях он был (подсказка: предположительно – на двух, достоверно – на одном-единственном), – главное, что произнес вступительную речь, получил прозвище Сверчок, прочел отрывки из первой своей полноценной поэмы “Руслан и Людмила” и позволил выстроить ассоциацию: Пушкин – “Арзамас”.

А если бы его позвал Державин? Не просто восхитился подражанием, а именно позвал? Вполне возможно, Пушкин бы откликнулся. И вся история русской литературы пошла бы иначе. Но сказался фактор поколений. В 1816-м Карамзину будет пятьдесят, Жуковскому – тридцать три, поддержавшему их Вяземскому – двадцать четыре. Молодому офицеру, выпускнику Московского университета Петру Чаадаеву, который познакомился и великодушно подружился с Пушкиным в том же 1816-м, – вообще двадцать два. Им не зазорно помянуть к себе подростка. А Державину – семьдесят три, по тогдашним меркам очень много; он радуется звонким строчкам Пушкина, но ему и в голову не приходит, что недоросля можно пригласить в серьезное собрание и поддержать движение от старомодной мощи, избыточности и густоты к вопиющей *экономии литературного хозяйства*⁵.

Вот Пушкин пишет в 1816 году: “Богами вам еще даны / Златые дни, златые ночи, / И томных дев устремлены / На вас внимательные очи”. Стертый штамп “златые дни” подключен к неожиданным “златым ночам”; в итоге и “златые ночи” хороши, и “златые дни” воскресли. Точно так же “томные девы” – обычное клише, а “внимательные очи” – нестандартный образ. А сюжет о томных девах с внимательными очами насыщается двусмысленной силой. Или другой пример “ночного штампа”: “О, если бы душа могла / Забыть любовь до новой ночи!” “Любовь” тут – понятие плотское, а до новой ночи ее должна забыть именно “душа”; минимальный сдвиг по литературной фазе обеспечивает словесное напряжение.

⁵ Фет называл свои угодья “лирическим хозяйством”; полностью его переосмыслив, Владислав Ходасевич написал “Поэтическое хозяйство Пушкина” (книга 1924 года) об инструментарии, который был использован для решения художественных задач.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.